

Чэнь Минхуэй хрипел, словно ему глотку опекло дымом.

— Скажу вам прямо: этот дом я продал, чтобы выжить. Оставшиеся деньги мне нужно купить еду. Попробуетесь отобрать — это мне жизнь. Вы мне жить не дадите, и я вам не дам. Берегитесь ночью: я прокрадусь к окну, одним ударом — одного, тремя — вас троих. Моя жалкая жизнь за ваши три дорогие — не убыток.

— Чудовище, Чэнь Минхуэй, ты просто чудовище, неблагодарный волк, — прокричал Ван Шинань, внезапно указывая на Цянь Юя. — Цянь Юй, ты наконец-то увидел, что он за человек? Он так поступает со своей тётёй, дядей и двоюродным братом. Как ты можешь дружить с таким человеком? Не боишься, что однажды он сойдёт с ума и ударит тебя ножом?

«Как они смеют втягивать в это Цянь Юя. Сейчас Цянь Юй — его спасение, его жизнь. Без него он бы уже давно ослеп от ненависти прошлой жизни, бросился бы на них, изрубил на куски и скормил собакам, а затем и сам бы умер. Это из-за Цянь Юя он сдерживается. Он ему должен, в этой жизни он ему должен. Но они не понимают этого, не ценят и даже пытаются оттолкнуть Цянь Юя от него».

Чэнь Минхуэй чувствовал, что сходит с ума, и бросился прямо на Ван Шинаня.

Его вид был слишком пугающим, словно он действительно собирался убить. Цянь Юй, напуганный, не обращая внимания на окружающих, схватил Чэнь Минхуэя сзади за талию.

— Минхуэй, не делай этого, пожалуйста, не делай. Если ты действительно убьёшь кого-то, что я буду делать один?

«Что будет с Цянь Юем? Нельзя оставить его одного. Сяо Юй ещё так мал, он не умеет заботиться о себе, не сможет выжить».

Чэнь Минхуэй, глядя на руки, обхватившие его талию, постепенно успокоился и закричал на троих из семьи Ван:

— Убирайтесь, прочь отсюда!

Только тогда напуганные до смерти трое из семьи Ван опомнились и бросились бежать, спотыкаясь и падая.

Чэнь Минхуэй крепко схватил руки Цянь Юя, снял их с талии и повернулся, глядя на дрожащий взгляд мальчика.

— Сяо Юй, не бойся меня, я никогда не поступлю с тобой так. Ты не знаешь, они... они для меня...

— Минхуэй, я знаю, — твёрдо прервал его Цянь Юй. — Я понимаю. Если бы ты не был таким жёстким, дом бы уже не удержался. Я всё понимаю, спасибо.

Чэнь Минхуэй почувствовал, как его сердце смягчилось, а душа задрожала. Его Сяо Юй был таким добрым, таким понимающим. Чэнь Минхуэй не знал, как удержать его в своём сердце навсегда, но в итоге просто сказал:

— Вечером, когда вернёмся, приготовлю тебе что-нибудь вкусное, чтобы успокоиться. Съешь все свои страхи вместе с едой, и больше не будешь меня бояться.

— Угу, — мягко кивнул Цянь Юй, и сердце Чэнь Минхуэя растаяло.

На следующее утро Чэнь Минхуэй осторожно встал первым. На кровати Цянь Юй всё ещё спал, укрывшись одеялом. Чэнь Минхуэй не хотел его будить, желая, чтобы тот поспал подольше, и сам пошёл на кухню готовить завтрак.

Войдя на кухню, он столкнулся лицом к лицу со стариком У. Чэнь Минхуэй первым заговорил тихим голосом:

— Тётя У, вы тоже встали готовить завтрак?

Чэнь Минхуэй никогда раньше не говорил так тихо, и старик У сразу понял, что Цянь Юй всё ещё спит, и он боится, что их разговор разбудит мальчика.

Старик У не хотел быть навязчивым, поэтому лишь улыбнулся и кивнул.

Чэнь Минхуэй, увидев, что дома ещё есть кукурузная мука и пшеничная мука, смешал их и приготовил лапшу, добавив яйца и мясной соус.

Когда он закончил готовить, Цянь Юй как раз проснулся и, потирая глаза, пошёл на кухню умываться. В это время Чэнь Минхуэй заварил для него чашку солодового молока, и когда Цянь Юй почистил зубы, напиток уже остыл, и он вручил его мальчику, чтобы тот выпил.

Цянь Юй выпил половину, а оставшуюся часть накормил Чэнь Минхуэя. Тот не стал отказываться, приняв напиток. Сейчас их тела были слишком слабыми, и обоим нужно было восполнять питательные вещества.

Сев за стол и увидев мясо, Цянь Юй заулыбался. Мальчики в его возрасте, растущие, больше всего любят мясо, и его присутствие на столе приносило радость.

После лапши Цянь Юй помыл посуду, а Чэнь Минхуэй приготовил еду на обед. В обеденный перерыв они могли бы вернуться домой, но это было слишком утомительно, поэтому Чэнь Минхуэй решил взять еду с собой в школу, чтобы в перерыв поесть и почитать, ведь даже последняя подготовка может принести пользу.

Посуда была немногочисленной, и Цянь Юй быстро справился. После этого он прилип к Чэнь Минхуэю, наблюдая, как тот готовит.

Чэнь Минхуэй терпеливо объяснил:

— На обед у нас будет яичница с рисом и обжаренные полоски мяса.

— Смотри, те двое у входа такие стильные! — одна из девушек, указывая на двух только что вошедших парней, загорелась восторгом.

Другая девушка, взглянув в их сторону, пренебрежительно сморщила нос:

— Просто они хорошо одеты. У всех остальных одежда с заплатками, а они в новых вещах, в кожаных туфлях. Этот наряд стоит сто-двести юаней, в таком любой будет выглядеть хорошо.

— Нельзя так говорить, посмотри, какая у них осанка, как они держатся. Если бы они сутулились, выглядели бы совсем иначе, — девушка слегка толкнула локтем подругу. — Ин Ин, а ты как думаешь, они ведь не хуже того Чэнь Минхуэя?

Чэнь Минхуэй, хотя и был сиротой без родителей, живущим на пособие от местного правительства, и одевался скромно, всегда в одну и ту же поношенную одежду с заплатками, но его внешность — густые брови, высокий нос, глубокие глаза — и его властный характер привлекали внимание некоторых одноклассниц. Однако те, кто симпатизировал Чэнь Минхуэю, знали, что он был влюблён в Хао Ин из их класса, и всё, что он добывал, он приносил ей. Эта преданность делала его ещё более привлекательным.

Теперь Чэнь Минхуэй больше не любил Хао Ин, но об этом знали только их одноклассники. Эти две девушки были из другого класса, и они не знали, что Чэнь Минхуэй больше не испытывал чувств к Хао Ин.

Девушка, которую толкнула подруга, была Хао Ин. Услышав вопрос, в её глазах мелькнула злоба, но она быстро скрыла её. Подруги не знали, что Чэнь Минхуэй больше не любил её, и Хао Ин ни за что не стала бы говорить об этом первой. В конце концов, быть объектом внимания школьной знаменитости было лестно и удовлетворяло её самолюбие.

Но теперь, когда Чэнь Минхуэй больше не любил её, а переключился на Цянь Юя, этого ничтожества, она не хотела оставлять ему ни капли уважения, желая лишь втоптать его в грязь.

— Конечно, Чэнь Минхуэй с ними не сравнится, он даже не заслуживает чистить им обувь, — язвительно сказала она.

Девушка, задавшая вопрос, удивлённо посмотрела на Хао Ин.

— Ин Ин, что с тобой? Как бы там ни было, Чэнь Минхуэй относился к тебе очень хорошо. Даже если ты его не любишь, можно было просто объяснить, не нужно его так унижать.

Хао Ин, поняв, что перегнула палку, поспешила исправиться:

— Нет, я не это имела в виду. Просто ты же знаешь, какой он жестокий. Ему всего пятнадцать-шестнадцать, а он уже готов ножом зарезать. Если он так продолжит, то скоро сядет в тюрьму.

Произнеся слово «тюрьма», Хао Ин почувствовала странное облегчение.

«Да, пусть сядет. Кто ему позволил отвергнуть такую красавицу, как она, и влюбиться в какого-то парня? Это же извращение, психическое расстройство. Пусть сгниёт в тюрьме!»

Хао Ин с ненавистью думала об этом, её глаза горели, а на лице появилось странное возбуждение.

Две подруги переглянулись, чувствуя страх. Сегодня Хао Ин казалась им странной, даже пугающей, словно она сошла с ума.

В этот момент два мальчика, о которых говорили Хао Ин и её подруги, прошли мимо. Низкорослый что-то шепнул высокому, тот покачал головой, но низкорослый настойчиво сунул что-то ему в рот. Высокий мальчик смотрел на него с укором, но в его взгляде была нежность.

Когда мальчики прошли, в воздухе остался сладкий аромат молочных конфет.

Девушка с жадностью вдохнула.

— Это запах молочных конфет «Белый кролик». Боже, эти парни, должно быть, из богатой

семьи. В их возрасте им всё ещё дают молочные конфеты, и они даже настаивают, чтобы друг взял. У нас дома только на Новый год каждый ребёнок получает по одной, и я всегда берегу её, облизывая, когда хочется сладкого, — с завистью сказала она.

Другая девушка замерла на мгновение, прежде чем прийти в себя.

— Мне кажется, это был Чэнь Минхуэй.

<http://bllate.org/book/16744/1561798>